

Иван Сеченов

**Записки
русского профессора
от медицины**

**Издание дополненное
и переработанное**

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
С33

Сеченов, Иван Михайлович

С33 Записки русского профессора от медицины / Иван Сеченов. — Москва: АСТ, 2014. — 288 с. — (Медицинский бестселлер).

ISBN 978-5-17-094508-5 (ООО «Издательство АСТ»)

Иван Михайлович Сеченов, смог превратить физиологию в точную науку, благодаря его исследованиям искусство диагностики болезней шагнуло далеко вперед. Однако путь к успеху знаменитого врача был очень непрост. Его мать, крепостная крестьянка мечтала, что сын когда-нибудь станет профессором. Ивану пришлось самому пробиваться в жизни...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Подписано в печать 20.09.14 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Усл. п. л. 15,12. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-094508-5 (ООО «Издательство АСТ»)

© ООО «Издательство АСТ», 2014

ДЕТСТВО (1829–1843)

Дед наш, дворянин Костромской губернии, Алексей Иванович Сеченов, хотя и был зажиточный помещик, но детей учил на медные гроши, а сыновей, по господствовавшему в екатерининские времена обычаю, записывал в ранней юности в гвардейские полки. Таким образом отец мой Михаил Алексеевич, младший из сыновей, был сержантом в Преображенском полку, служил при Матушке-Екатерине и дослужился до чина секунд-майора.

В детстве мне случалось видеть бумагу (вероятно, указ об отставке отца) с размашистой подписью «Екатерина», которую отец целовал каждый раз, как бумага попадала ему в руки. По смерти Алексея Ивановича он получил в наследство небольшое имение в Костромской губернии и значительно большее в Симбирской губернии, Курмышского уезда, купленное некогда митрополитом Димитрием Сеченовым и переданное им в род. Здесь отец мой и посе-

лился, выйдя в отставку, на удобную при крепостном праве жизнь российского помещика, и здесь же (в с. Теплом Стане) народилась вся семья его детей: 5 братьев и 3 сестры.

Я самый младший в семье. Переселение отца из Костромской губернии в Симбирскую произошло, сколько я понимаю, по той причине, что он был лошадиный охотник, и хлебное черноземное симбирское поместье давало ему возможность устроить небольшой конский завод, что было бы в Костромском имении невозможно. Как бы то ни было, но всю свою долголетнюю жизнь в деревне он интересовался одним только конским заводом, в поля не заглядывал, от коронной службы уклонялся, по дворянским выборам не служил и даже ни разу не съездил в Симбирск на дворянские выборы. Личных воспоминаний об отце у меня сохранилось очень мало — одни лишь чисто внешние отрывочные черты, потому что он умер, когда мне было 10 лет. Помню его седым стариком, в его ежедневном домашнем костюме (мягкие сапоги, черные плисовые штаны и фуфайка вроде куртки) и в венгерке по праздникам, с трубкой в зубах (помню даже мундштук его чубука); помню, как он ежедневно, после утреннего чая, ходил на конный двор и собственноручно из ларя отмеривал лошадям овес гарнцами, а затем

смотрел, как выводили лошадей на водопой; помню, что еще при его жизни я выучился играть на бильярде и немилосердно обыгрывал отца, очень плохого игрока, когда ему случалось играть со мной от скуки. На нас, детей, он мало обращал внимания; по крайней мере, я не помню ни единого случая, когда бы он приласкал меня или которую-нибудь из сестер*. Но с другой стороны, не помню также и случаев, чтобы он на нас сердился или кого-нибудь наказывал. Не имея образования, он, однако, сознавал его важность и внушал нам, детям, что мы должны относиться к своим учителям и учительницам, как к своим благодетелям. Гувернантка в нашем доме была равноправным членом семьи, за обедом сидела на почетном месте и называла старика отца папенькой. Впоследствии я узнал из рассказов, что он отличался бескорыстием и большой честностью; крестьян не притеснял; погорельцам строил избы; в неурожай раздавал хлеб; но вместе с этим не брезговал пользоваться, помимо барщины, заведенным в тех местах порядком брать ежегодно от мужиков по барану с тягла, а с крестьянок — известное количество пряжи. Жил

---

* Дело в том, что в эти годы все старшие братья были уже вне дома и в деревне оставались со стариками только сестры да я.

он неприхотливо и крайне дешево «на всем своем» — последнее благодаря тому, что держал большую дворню. Пока все дети были малы, он, при его умеренном образе жизни, был настолько богат, что выстроил в селе почти исключительно на свои деньги большую каменную церковь и двухэтажный деревянный дом в 20 комнат, с небольшим садом по заднему фасаду.

Моя милая, добрая, умная мать была красивая в молодости крестьянка, хотя в ее крови, по преданию, была через прабабку примесь калмыцкой крови*. Перед женитьбой отец отправил ее в какой-то женский Суздальский монастырь для обучения грамоте и женским рукоделиям. На ее руках была обычная половина домового хозяйства, но в семье, при жизни отца, голос ее слышался очень редко. К тому же и она не была ласкова к детям; поэтому я узнал ее и полюбил уже в зрелом возрасте, когда по выводе в отставку из военной службы прожил более полугода у нее в деревне. В детстве же, больше отца и матери, я любил мою милую няньку Настеньку, которую по ее летам и положению в доме вся прислуга вели-

---

* Из всех братьев я вышел в черную родню матери и от нее же получил тот облик, благодаря которому Мечников, возвратясь из путешествия по Ногайской степи, говорил мне, что в этих палестинах, что ни татарин — вылитый Иван Михайлович.

чала полным именем Настасьи Яковлевны. Она меня ласкала, водила гулять, сберегала для меня от обеда лакомства, брала мою сторону в пререканиях с сестрами и пленяла, вероятно, больше всего сказками, на которые была большая мастерица. Ложась спать, я из-за сказок нередко переселялся к ней на постель, и когда случалось, что мешал ей спать, требуя повторения рассказов, она — это она рассказывала мне сама, когда я был отставным офицером — начинала сказку о том, как некий царь, задумав выстроить костяной дворец, велел со всего царства собрать кости и положить их для размочки в воду. С этими словами она умолкала, а когда я спрашивал, что же дальше, то получал в ответ: «Рассказывать, батюшка, нечего — кости еще мокнут, не размокли», чем я, по ее словам, и удовлетворялся.

Семья наша, по возрастам детей, распалась на три группы. Два старших брата и старшая сестра, погодки Алексей, Александр и Анна, выбыли из семьи, когда я еще не родился. Братья кончили курс в Демидовском лицее, а сестра — в пансионе. Братьев отец, как военный человек и лошадиный охотник, пустил в гусары; а сестру, по окончании ученья, вернул домой, где она и стала обучать третью группу, двух меньших сестер, Варвару и Серафиму, и меня грамоте. В это время два средних брата, Рафаил и Андрей, учились в

нашем уездном городе и оттуда поступили в Казанскую гимназию. Таким образом, все свое детство я рос в деревне товарищем двух младших сестер. При жизни отца была речь о том, чтобы и меня отдать в Казанскую гимназию; но по его кончине мать почему-то удержала меня до 12 лет дома (вероятно, рассчитывая приготовить меня дома не в самый низший класс); а в это время старший брат, гусар, уже офицер, познакомился в Москве с семейством, членом которого был инженер, и, узнав из его рассказов о выгодах инженерной службы и дешевизне образования, получаемого в Главном инженерном училище*, настоял у матери, чтобы меня отдали туда. Благодаря этому я продолжал учиться в деревне до 14-го года. Обстоятельство это имело очень важное значение для моей будущности — из всех братьев я один выучился в детстве иностранным языкам. Дело в том, что родители не считали нужным обучать им дома мальчиков, полагая, что они научатся языкам в школе; а для девочек считали такое обучение необходимым. С этой целью в доме нашем, за год до смерти отца, поя-

---

* В те времена плата за все содержание воспитанников, вместе с учением в течение 4 лет, состояла из единовременного взноса 285 руб., причем воспитанник при выходе в офицеры получал даром всю обмундировку, за исключением сюртука и шинели.

вилась, ради сестер, смолянка, Вильгельмина Константиновна Штром, знавшая французский и немецкий языки; и меня, уже кстати, в придачу к сестрам, отдали ей на руки.

До приезда гувернантки и некоторое время после ее приезда меня обучал закону Божию, арифметике, русскому и латинскому языкам молодой священник из соседнего села Атяшева, отличавшийся, однако, не столько потребными для учительства знаниями, сколько приятной внешностью, веселым нравом и умением держать себя в дворянском обществе. Насколько могу припомнить его уроки, знания его в арифметике не заходили за пределы начальных действий, а в латыни учителем моим был не он, а латинская грамматика Кошанского, так как вся моя задача заключалась в заучивании преподаваемых в ней правил склонения и спряжения по указанию учителя: «от сих до сих». Наоборот, учение языкам у Вильгельмины Константиновны шло очень удачно благодаря тому, что именно грамматика была на заднем плане. Классные занятия по языкам заключались в том, что мы ежедневно заучивали по одному глаголу, списывая его с книги; затем делали маленькие переводы с иностранного языка на русский и наоборот. Кроме того, с первого же года она заставляла нас говорить и вне класса

не иначе как на иностранных диалектах. Вильгельмина Константиновна оказала мне истинное благодеяние, научив меня обоим языкам настолько, что я не забыл их за время пребывания в инженерном училище (где обучение языкам было неважно) и мог пользоваться этими знаниями во время студенчества*.

Учился я, должно быть, легко, потому что меня часто отпускали из класса раньше сестер и никогда не наказывали, тогда как сестра Серафима сиживала нередко (по обычаю, вынесенному Вильгельминой Константиновной из Смольного) в бумажном колпаке с надписью «за леность».

К чтению у меня с детства была большая охота, но книг для детского чтения в то время и в помине не было. Помню только Конька-Горбунка (почему-то в рукописи), сокращенного Робинзона с картинками и какое-то иллюстрированное издание Священной истории, которое мы с сестрой Серафимой иллюстрировали, покрывая лица святых красной краской, а лица библейских грешников и злодеев зеленой. Не могу не вспомнить по этому поводу, что

---

* Незнание языков у большинства наших студентов представляет большое зло. Пора бы положить ему конец, изменив способ обучению языкам в средних учебных заведениях.

иногда Настенька делала мне из своей косы рисовальные кисточки. Позднее, вероятно, под влиянием Александра, скудная библиотека Теплового Стана стала пополняться. Он был большим поклонником Марлинского, перешел, вероятно, поэтому тотчас по смерти отца из гусаров на Кавказ линейным казаком и считался в семье чуть не литератором, потому что посылал с Кавказа письма с литературным пошибом. Как бы то ни было, но у нас завелся Пушкин, Жуковский, Марлинский, Загоскин и Лажечников. Вероятно под влиянием разговоров в семье, любимым автором моим был Марлинский, и его я прочитал от доски до доски. Знаю наверное, что читал все повести Пушкина, знал почти наизусть одну из его сказок, читал «Руслана» и «Евгения Онегина» (издание с картинками); но стихами не восхищался и, должно быть, предпочитал Пушкину «Юрия Милославского», «Ледяной дом» и «Новика». Читалось все без руководства и указаний литературно образованного человека; поэтому перлами создания казались мне такие вещи, где героями являлись лица, совершившие какие-либо подвиги. Впрочем, вкус к таким героям сохранился у меня и в более зрелом возрасте, когда я познакомился с Вальтер Скоттом и Купером. Гоголя у нас в деревне не было; но

его «Мертвые души» мне удалось слышать вскоре по их выходе в свет в чтении большого приятеля нашего дома, курмышского судьи Павла Ильича Скоробогатова. Он славился умением читать и, очевидно, любил читать в обществе.

Мальчик я был очень некрасивый, черный, вихрастый и сильно изуродованный оспой;* но был, должно быть, не глуп, очень весел и обладал искусством подражать походкам и голосам, чем часто потешал домашних и знакомых. Сверстников по летам мальчиков не было ни в семьях знакомых, ни в дворе; рос я всю жизнь между женщинами; поэтому не было у меня ни мальчишеских замашек, ни презрения к женскому полу; притом же был обучен правилам вежливости. На всех этих основаниях я пользовался любовью в семье и благорасположением знакомых, не исключая барынь и барышень.

Из знакомых всего ближе стояла к нам семья Бориса Сергеевича Пазухина: он — вдовец, две его дочери и воспитавшая их сестра его, Прасковья Сергеевна. Он был, сколько я знаю, единственный друг моего отца в тех краях. Видал я его редко, потому что он жил с семьей в 60 верстах от нас и наезжал в наши края один

---

* Родители, должно быть, не успели привить мне оспу. Она напала на меня на первом году и изуродовала меня одного из всей семьи.

раз в год, в начале ноября, к именинам отца, и поселялся тогда с своей семьей на некоторое время в соседнем с Теплым Станом имении его сестер, чтобы полевать с борзыми в наших унылых степных палестинах*. Помню я его очень смутно и знаю только из рассказов родных, что это был из ряда вон добрый человек, едва ли не наиболее образованный из курмышских помещиков; не держал ни дворни, ни придворных кружевниц и вышивальщиц; не пользовался ни поборами с своих подданных, ни карательными прерогативами помещичьей власти. По его смерти Прасковья

---

* Как ни бедна Россия живописными видами, но местность, где я провел детство, принадлежит, я думаю, к наименее живописным. Черная, почти как уголь, земля, изрезанная в пологих впадинах оврагами, без единого деревца или ручейка на версты, с единственным украшением редких рошей, виднеющихся на горизонте в виде темных четырехугольников. Эта часть Курмышского уезда густо заселена татарами и мордвой. Приходом к нашей церкви была мордовская деревня Мамлейка; и в те времена я имел случай видеть в церкви мордвок в их национальных костюмах: белая длинная рубашка, выложенная на груди красным шнурком, бахромистый пояс под брюхо; ожерелье из белых ракушек и очень уродливый головной убор, в виде наклоненного вперед полуцилиндра с подвешенными к его основанию пробуравленными серебряными пяточками. Теперь тамошняя мордва слилась с русскими до неузнаваемости.

Сергеевна переехала с обеими своими племянницами на постоянное жительство в свое имение, в двух верстах от Теплого Стана, и свидания обеих семей стали очень часты. Младшая племянница, Катя, была в отца — пылкая, веселая, искренняя, немного насмешливая, но очень добрая и такая же верная в дружбе, как ее отец. Она до конца жизни оставалась самым близким другом нашей семьи. Была она года на 4 старше меня, с виду уже совсем взрослая барышня, с милым и живым лицом. Относилась ко мне, может быть памятуя отца, очень ласково; была притом единственной барышней, которую я видел часто, и я в нее влюбился. Вероятно, сознавал однако, что страсть моя покажется смешной и предмету, и окружающим; поэтому я сумел скрыть ее даже от сестер вплоть до отъезда из деревни в Петербург. Насколько сильно было это чувство, я не помню; не помню также никаких особенных эпизодов этой любви; не помню даже хорошенько лица и фигуры Кати; но чувствую и в настоящую минуту, что, будь она жива, она была бы для меня одним из самых дорогих существ на свете, более дорогим, чем второй предмет моей, уже не детской, любви.

Нельзя также не помянуть добрым словом семьи Филатовых, с некоторыми членами кото-

рой мне приходилось встречаться дружески всю жизнь до самого последнего времени.

Одна половина Теплого Стана принадлежала моему отцу, а другая более богатому, чем он, и более старому годами родоначальнику Филатовского рода Михаилу Федоровичу. Старик Филатов был садовод и пчеловод; полевым хозяйством совсем не занимался; всю весну и лето жил в саду и на пчельнике (на осень и зиму вся семья переезжала в имение Пензенской губернии); в гости никуда не ездил; в церковь, несмотря на крайнюю набожность женской половины своей семьи, никогда не ходил; и по этой ли причине или потому что управлявший имением приказчик из дворовых был крут с подчиненными, крестьяне его недолюбливали и подчас считали чуть ли не колдуном, потому что в холеру 48-го года в народе ходил слух, что ее наваял на Теплый Стан старик Филатов: его будто бы перед ее появлением видели, как он намахивал болезнью на село руками. Познакомился я с ним, будучи уже отставным офицером, когда он от старости начинал уже приходить в детство и, вероятно, стал смешивать воображаемое с действительностью, потому что, оставаясь умным человеком, рассказывал серьезно невероятные небылицы. Интересовавшегося его пчелами соседа он уве-